

4. Глинкин А.В., Лазарев А.И. Песни Оренбургских казаков. Старые и новые записи. Челябинск, 1996. 268 с.

5. Листопадов А.М. Песни донских казаков. В 5 т. М. 1949–1953.

6. Песни казаков Кубани /Запись текстов, подгот. к печ. И.Ф. Вараввы. Краснодар, 1966.

7 Песни оренбургских казаков. Собрал сотник А.И. Мякутин. В 4т Оренбург: Изд. Оренбург. казач. войска, 1904–1910.

8. Песни Сибирских казаков / Собр. Г.И. Иванов. Пг. 1916.

9. Песни гребенских казаков / Публикация текстов, вступ. статья и комментарии Б.Н. Путилова. Ред. Н.И. Пруцков. Грозный, 1946. 315 с.

10. Сборник уральских казачьих песен. Собрал и издал Н.Г. Мякушин. 162 песни и 18 стихотворений Уральскою и др. казачьих войск. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 289 с.

11. Фольклор казаков Сибири // Сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ, 1969. 627 с.

© Н.Е. Котельникова

Москва

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ О КЛАДАХ И «КЛАДОВЫЕ ЗАПИСИ»

К преданиям о кладах относятся повествования, не имеющие развернутого сюжета (форма типа «слух-толк»), сообщающие о кладах, положенных в связи с историческими событиями, лицами, народами.

В первую очередь, клады традиционно связывались с «чудью», что и отразил пласт преданий, стоящий в типологическом ряду с преданиями об аборигенах края. Предания о чуди в основном распространены в Северо-восточной части России, на Урале и в Сибири, куда они были занесены по мере колонизации этих земель и прикреплены к народностям, жившим там до русских. Этот цикл преданий был детально рассмотрен в работах Н.А. Криничной, В.К. Соколовой и других (3;6;8, 14).

Предания о кладах чуди имели особенно активное бытование в XIX в. во время массовых раскопок курганов и городищ, а следовательно, повышенного общественного интереса к этим работам. Предания о чудских кладах наиболее часто используют типовой способ актуализации повествования – добавление к рассказу мотива находки фрагмента клада или предмета, свидетельствующего о его наличии. Например: «Двести лет прошло, никто не знает, что там, только посуду оловянную нашли, она сейчас у одного из нашей деревни стоит» (10, ФЭ лето 1988, Т.8. №48).

Специфическим для чудских преданий является мотив самопогребения, поэтому чудские клады часто сочетаются с углем. Но образ чуди уже настолько размыт, что может переплетаться с чертами современных персонажей, отличных в чем-либо от местного населения. Например в с.

Чернутьево Удорского р-на Коми АССР бытуют рассказы о заключенных, которые ограбили чуть ли не банк в Москве и зарыли ящики около реки Пыссы, когда уходили от преследования. Потом их арестовали, но они передали сведения о кладках (как и положено разбойникам). Эти рассказы совместились с рассказами о чудских кладках, ящики с золотом оказались засыпаны углем, а «они (чуды) каким-то людям рассказывали в г. Мезень – вот так и так, мол, ручеек там, золото – 2 ящика, что ли – они сами-то и рассказывали. Монеты вроде в ящиках, что ли» (10, ФЭ лето 1977, П.5. Т.1. №21).

Еще более характерно сочетание мотивов явления кладов в различных обликах, преданий об охранниках чудских кладов и заклитии кладов. Например: «Остался тот клад от жившей там чуди-винокуров. В горе Талого Ручья еще теперь есть лотки, по которым во время курения текло вино. Вино тогда, понятно, у них было дешево, и они жили в раздолье. Клад и в настоящее время кажется многим серой курицей, но в руки никому не дается. Говорят, он прописан на счастливцу Марью, и долго ли, коротко, а его получит счастливца Марья» (7, №73). Закономерность такого сочетания объяснима во многом мифологичностью самого образа чуди.

Явление кладов в виде животных и людей имеет различные этнографические объяснения (4, с.105–111), часто такие кладки связываются с образами чуди, панов, как аборигенов края. Возможно, что дополнительным фактором этой связи послужил специфический для различных народностей, называемых русскими чудью, вид искусства – различные изображения животных, в основном из мет.лла, относящиеся к так называемому «звериному стилю». «В настоящее время число находок довольно велико. Они насчитываются тысячами. Однако абсолютное большинство их является, как говорят, археологически случайными находками» (11, с.10). То есть большое число таких фигурок было найдено в разное время обычными людьми и чаще всего в составе кладов. Местонахождение этих находок, как и кладов (4, с.108), часто определяется языческими святилищами: их меньше в могильниках и у жилья. Возможно, именно фигурки первоначально соответствовали внешнему виду жертвы, а через них это соответствие передалось кладкам.

Предания о панах имели активное бытование на Севере России, а также в центральных губерниях. Образ панов в сказочной прозе размыт и многослоен. Он может раскрываться как образ аборигенов края, внешних врагов (чаще всего польско-литовских интервентов), а также разбойников (5, 13, 14).

Особенности преданий о панских кладках зависят от того, какое значение приписывается образу панов. Если паны мыслятся как аборигены края, то предания о положенных ими кладках сходны с преданиями о чуди. Общими являются и тенденции их сочетаемости с различными мотивами и сюжетами. Тесная взаимосвязь между образами панов, чуди и волшебных кладов может быть объяснена не столько взаимодействием преданий с мифологическими

рассказами, сколько общей древнейшей мифологической основой всех этих образов.

При понимании образа панов как внешних или социальных врагов образуется два типа преданий по принадлежности клада. В одних клады остаются после ухода панов или их разгрома: «У панов было много золота, серебра и других сокровищ, которые скрыты в земле» (13, с.28). Другие рассказывают о кладах, спрятанных местными жителями или монахами при нашествии панов.

Наиболее распространенными можно считать предания о разбойничьих кладах. «С разбойниками клады связывались повсюду. Эта связь легко объяснима: должны же были куда-то спрятать они те огромные богатства, которые по народным рассказам у них скопились» (14, с.198). Разбойники, хозяева клада, могут просто называться и не персонифицироваться: «Это татары жили за оврагом, а разбойники – у кладбища. И там остался после их склад» (10, ФЭ лето 1986. Т.2. №174).

Клады могут принадлежать определенному местному разбойнику, а предания о них входить как составная часть в предание об этом разбойнике, например, предание, где после описания жизни разбойника говорится: «Постоянное место жительства Ивана Фаддеевича был огромный глухой бор Карево, где он умел всегда скрыться от преследования, и где в последствии оказался огромный клад, который многие видали, но взять никому не удалось. Он находится и в сее время тут» (13, с.37).

Вообще сочетание с мотивами чудесных кладов – в различных обликах и охраняемых – очень характерно для разбойничьих преданий. Например: «... видят солдата: как он ходит охраняет, значит, тот клад, а то чем другим покажется, самому мне видеть не подваливалось. Рассказывают: по берегу раньше большая дорога там проходила, а через реку мост громадный был, так вот: будто клад тут разбойники зарыли» (13, с.8).

В народных представлениях клады связывались не только с разбойниками местного значения, но и, конечно же, с именами, имеющими историческую значимость и большую популярность. Это Пугачев, Ермак и более всего Разин и его сподвижники. Бессюжетные предания о кладах Пугачева и Ермака специфических черт, отличных от обычных преданий о разбойничьих кладах, практически не имеют.

Предания о кладах Разина и его сподвижников выделяются прежде всего своей широкой популярностью. Они были распространены даже в тех местах, где разинское войско и не проходило. «Ветлужский край, например, очень богат легендами и рассказами про подвиги Разина и клады, положенные им здесь, между тем как в действительности область его подвигов не простиралась так далеко на Север» (13, с.30). Этот факт можно объяснить огромной популярностью образа Разина в фольклоре в целом.

Специфическими для преданий о разинских кладах являются: форма клада – лодки и бочки на цепях; места положения кладов – бугры, пещеры

на берегах рек; сочетаемость с легендарными мотивами.

Предания о кладах Кудеяра интересны прежде всего своей многочисленностью и тем, что часто клад является единственной характеристикой этого разбойника. «Особенность Кудеяровых кладов не в их качестве, а в их количестве – уж очень на большой территории он их зарыл» (14, с.209). Многочисленные поклажи Кудеяра стали основой его популярности в народе. С точки зрения структуры, способа повествования и взаимосвязей с другими сюжетами, предания о кладах Кудеяра не выходят за рамки специфики всех разбойничьих преданий. Эти предания были детально рассмотрены В.К. Соколовой (14, с.209–224).

Замечательные образцы такого рода записей можно найти в различных периодических изданиях конца прошлого – начала нашего столетия. Среди них одна кладовая запись, написанная от имени Кудеяра. В ней Кудеяр раскрывается как исторический персонаж, близкий Ивану Грозному (сюжеты о близости Кудеяра Ивану Грозному часто сочетаются с преданиями о Кудеяровых поклажах, факт такой близости подтверждают и некоторые исторические теории (9, с.234)). Начинается запись так: «Послание к брату моему любезному, Алексею Васильевичу, чтобы он взял мою поклажу-казну: образа с драгоценными камнями, жемчуг, булатную саблю и прочие вещи. Послание писал своею рукою сам Кудеяр Васильевич и послал брату своему из Кремля. Виноват я перед Богом, что нагрубил великому Государю Ивану Васильевичу, Российскому самодержцу, который приказал было мне царство Московское, при уходе своем в поход под Казань-горд. Я, Кудеяр, изменил ему, великому Государю, с единомышленниками моими Кладияновыми генералами, Алыковым да Захаровым, отважился и составил ложный указ, объявил бывшим при мне ратникам, что передано им от Царя Ивана Васильевича идти к нему на помощь, под Казань-город. И взял я с собою всю армию со всем вооружением и семью пушками, и забрал из Москвы, как из дворца, так и из казны, и из прочих мест, где только было золото, серебро и все драгоценности» (15, с.251–253). Далее следует подробное описание, что и где было зарыто.

Это типичный пример письма разбойника, который рассказывает о том, как он совершил грабеж, однако в данном случае описанному событию придается государственный масштаб.

Кроме мотивов, раскрывающих образ разбойника, кладовая запись может содержать и условия овладения кладом, обычно связанные с правильным использованием клада: «В письме пишет, что надо рыть под дубом, там есть ход (лестница) и в подвале золото. Часть этого золота, говорит, возьми и отдай на Ризу Божьей матери в церковь» (12, №112г). В исповеди Разина содержится просьба о помине его души: «...из моего турецкого выстрелить и сказать: «Вот тебе, Степан Тимофеевич сын Разин, вечная память»» (2, с.734). В кладовых записях встречаются самые разнообразные смешения исторических персонажей.

Так, в свитке ориентировочно XVI в. говорится о сокровищах, посланных крымским ханом в Москву Ивану Грозному, о том, где спрятаны они теперь Варварой Ильинишной по кличке Железный лоб, старшей сестрой Кудеяра, и о главном их есауле Степане Разине.

Кладовые записи, собранные вместе могут стать прекрасным источником для изучения не только темы кладов в фольклоре, но и образов известных исторических персонажей, таких, например, как Степан Разин и Иван Грозный.

Кладовые записи интересны еще и тем, что они имели хождение, как правило, в среде кладоискателей. Переписывали их люди, относящиеся к ним крайне серьезно. «Один из кладоискателей, некто Ящеров, имея рукописную «запись» на сорок кладов, якобы зарытых Разиным в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, дошел до Императорской Археологической комиссии в Петербурге и в 1896 году получил разрешение на поиски этих кладов. Но Нижегородская архивная комиссия, которой было предписано оказать содействие Ящерову, отнеслась к этому с большим скептицизмом» (1, с.103), поскольку в ее распоряжении уже находилось несколько подобных записей, в которых фигурировали другие исторические лица.

Различные документы, сходные с «кладовыми записями», имели широкое распространение в лагерной среде в 30-50-е гг. и, вероятно, существуют и сейчас.

Кладоискатели уделяли большое внимание описанию состава клада, в «записях» могли подробно перечисляться и описываться все драгоценные изделия, предметы, их содержащие, приметы, по которым надо искать клад и другие мелкие детали, которые трудно было удержать в памяти обычному человеку при устном пересказе.

Заключая описание преданий о кладах, следует отметить, что все они имеют тенденцию к развитию сюжета в разных направлениях: а) раскрытие образа владельца клада, соединение с мотивами и сюжетами, традиционными для исторической прозы; б) раскрытие образа клада в бытовом аспекте; в) раскрытие образа клада в мифологическом аспекте.

Примечания

1. Александрова Е.А. Устная проза о Разине // Ученые записки Даугавпилсского пединститута. Сер. 4. Вып. 3. 1959. С.81-112.

2. Аристов Н.Я. Предания о кладах // Записки РГО по отделению этнографии. Т.1. СПб. 1867 С.719-727

3. Калинин И.Чудь и паны // Живая старина. Вып. I-II. 1913. С.137-146.

4. Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о «Зачарованных кладах» // Советская этнография. 1977. №4. С.105-111.

5. Криничная Н.А. Историко-этнографическая основа преданий о «панах» // Советская этнография. 1980. №1 С.117–124.
6. Криничная Н.А. Предания об аборигенах края // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. XX. Л.: Наука, 1981. С.45–617
- Криничная Н.А. Северные предания (Беломорско-обонежский регион). Л: Наука, 1978.
8. Кругляшова В.П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск: Уральский ун-т, 1974.
9. Крупп А.А. К вопросу об историческом прототипе Кудеяра-разбойника // Русский фольклор. Материалы и исследования, Т. XV Л: Наука, 1975. С. 238–239.
10. Материалы архива кафедры устного народного поэтического творчества МГУ, Фольклорная Экспедиция, лето/зима. Год. Папка. Тетрадь. Номер текста.
11. Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1988.
12. Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края // Записки РГО по отделению этнографии, Т. XII. Спб. 1884.
13. Смирнов В. Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып XXIV 1921.
14. Соколова В.К. Русские исторические предания. М: Наука, 1970.
15. Щеглов С.А. Кладовая запись // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып.30.

© Т.В. Кривошапова
Астана

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

В последние годы исследователи, пытаясь определить приоритетные направления анализа литературной сказки, предлагают уйти от эмпиризма и сосредоточить внимание на общих законах поэтики жанра. Справедливо полагая, что центральным жанрообразующим признаком литературной сказки является ее соотнесенность с поэтикой и художественной семантикой народной сказки, предлагается структурно-генетический тип анализа. В его основе сформулированная М. Бахтиным проблема «памяти жанра». Однако этот путь не должен исключать исследование исторической поэтики литературной сказки, основанное на общепринятой методике анализа соотнесения фольклорных и литературных текстов. Естественно, что понимание традиции в народном и профессиональном искусстве слова нового времени не совпадает. Однако нельзя воспринимать процесс исторического развития жанра только на пути «от фольклора», что связано с утратой элементов традиционного сказочного сюжета и функций персонажей. Нельзя согласиться с тем, что «сказочность» как важнейшая черта